

Ольга Васильева: оптимальный учебник — это мечта, но хороший сделать можно

Минобрнауки планирует усовершенствовать систему экспертизы школьных учебников, сделать выдачу аттестатов выпускникам 9-х классов объективной и изменить процедуру профессиональной аттестации школьных учителей. О том, как именно ведомство намерено эти задумки претворить в жизнь, в интервью РИА Новости рассказала министр образования и науки Ольга Васильева накануне Дня учителя. Беседовали Анна Терехова и Дмитрий Горностаев.

— Ольга Юрьевна, мы с вами беседуем в канун Дня учителя. Хотелось бы вас поздравить с этим праздником и поинтересоваться вашим мнением о том, насколько тяжел сейчас труд педагога, потому что очень много критики раздается и споров вокруг системы образования. Но в основе всего — простой учитель. Что вы скажете учителям перед их праздником?

— Спасибо большое за поздравление. Я хочу сказать слова благодарности нашим дорогим учителям и вообще всем, кто работает в системе образования, а это пять миллионов человек. Критиковать, осуждать может всякий. Я всегда говорю оппонентам, что любая критика должна быть конструктивной. Сложности и невзгоды, естественно, присутствуют в нашей жизни, без этого просто невозможно представить жизнь, она никогда не бывает ровной. Есть такая очень хорошая турецкая поговорка по этому поводу: 15 дней в месяце обязательно черные, а 15 дней в месяце обязательно светлые. Так вот, я хочу, чтобы у моих дорогих коллег было как можно больше светлых дней. Чем отличается этот труд от любого другого труда? Я сама была школьным учителем, вузовским работником, педагогом, работником Академии наук, поэтому этот труд я знаю изнутри. Дело в том, что ни одна другая профессия не дает такой быстрой отдачи. Когда человек входит в класс, а ему всегда есть что нести, когда он видит эти глаза, которые отвечают ему, вот это очень дорогого стоит на самом деле. С кем бы я ни встречалась, а это люди разного возраста, поверьте мне, не было ни одного человека, который бы не вспомнил своих учителей, таких просто нет. Поэтому я от всей души хочу пожелать прежде всего здоровья, терпения, здоровья семьям и близким, возможности отдыхать, конечно. Хотя отдых для учителя — понятие относительное, и я согласна, что учитель перегружен. Я не помню ни как историк, ни как человек, который сам работал в этой отрасли долгие годы, когда он не был перегружен. Я много раз говорила, что это все-таки особая профессия, это все-таки призвание.

— Продолжая эту тему, хотелось бы узнать, как идет создание системы учительского роста?

— Национальная система учительского роста, вы знаете, это поручение президента. Оно предполагает ее абсолютно новое видение и скорейшее претворение. Я сразу хочу оговориться, что мы работаем в тесном контакте с нашими профсоюзами. Эта тема затрагивает без исключения каждого педагога, который работает у нас в стране. На сегодняшний день есть четкая вертикаль роста — административная. Это учитель, завуч, директор школы и, пожалуй, все. Есть категории — от первой до высшей. Что предлагает эта система? Главное, не столько горизонтальная линия, сколько возможность для учителя непрерывного профессионального и человеческого роста. Учитель всегда старается узнать что-то новое, это безусловно. Новая система предполагает три градации — учитель, старший учитель и ведущий учитель. И внутри вот этих абсолютно не возрастных категорий может идти разговор.

Сразу хочу уважаемых коллег успокоить, что в ближайшие два года аттестация как минимум будет проходить по выбору — классически, как она идет сейчас или по трем направлениям, которые предлагает новая система. Что это значит? Это психолого-педагогическое направление, это предметное и это коммуникативные навыки, которые проверяются в ходе аттестации. То есть это то, что предлагает новая система, либо классика, которая есть сейчас. Поэтому никто учителей неволить не будет и выбор остается за ними. Но постепенно, конечно, мы будем расширять вот эту профессиональную оценку учителя по трем направлениям.

Для чего это делается? Для того, чтобы, допустим, можно было заявить о возможности новой должности значительно раньше, чем это было, к примеру, в системе старой оценки учительского труда. И здесь уже разговор идет о качестве и о сокращении дистанции, которая была связана со стажем между учителем начинающим и учителем более опытным. Но при этом я хочу еще раз подтвердить коллегам, что все предыдущие и звания, и категории — все это сохраняется. То есть страха здесь быть не должно. Это попытка найти возможность расширения, я бы сказала, оценки труда учителя и обществом в том числе. Поэтому главное на сегодняшний день — это все-таки вернуться и выстроить систему повышения квалификации, потому что на сегодняшний день единой системы в стране нет, как это было когда-то. Некоторые регионы, и я это очень приветствую, идут через повышение квалификации на базе университетов. Это отличная история. У некоторых есть сохраненные институты повышения квалификации. Но мне бы хотелось, чтобы эти формы сочетались. И знаете, когда учитель выезжает, допустим, с места работы, из маленького города или поселка, то он должен не только пройти предметные курсы, психолого-педагогические и коммуникативные циклы, но еще и посмотреть что-то новое. Может, посетить музей, сходить в театр, просто немножко вдохнуть этого целебного глотка для того, чтобы чуть-чуть внутренне отдохнуть. Профессия учителя все-таки еще чем отличается — там есть риск выгорания: человек отдает самого себя, поэтому нужно восстанавливаться. Я думаю, что вот эта система повышения будет направлена в том числе и на поддержание эмоционального состояния учителя.

Сейчас, может быть, и бытует мнение о какой-то обязательности. Сразу хочу сказать, что скоро будет закончен анализ тех работ, которые делали наши учителя. Вы знаете, что в 13 регионах добровольно шло предметное тестирование по русскому

языку и математике. Опять же шло не с целью выявить, кто чего не может. Цель была другая — если я что-то не могу, я хочу, чтобы мне помогли, чтобы я пошел по пути исправления этих пробелов и движения дальше. Вообще, на мой взгляд, учитель и запуганность — вещи несовместимые. Я считаю, что это надо выкорчевывать и бороться с этим, потому что внутренне учитель всегда свободен, понимаете? Мое глубочайшее убеждение, что вся административная история для того и существует, чтобы человек, ежедневно входящий в класс, давал очень хороший результат. Именно он воспитывает и обучает того, кто придет на смену завтра. А вся администрация сопутствует тому, чтобы этот процесс шел без сучка без задоринки. Это мое глубочайшее убеждение. Мне от этого курса трудно свернуть, потому что администрация для этого и должна существовать, чтобы обеспечение всех условий было на сто процентов.

— Новая система аттестации предполагает три направления. Все ли они будут обязательными?

— Со временем да, они будут обязательными. Только я еще раз повторяю: не в этом году и не в следующем. Для того чтобы она стала обязательной для всех, мы должны сделать единые оценочные измерения для всех, правильно? Они пока только в стадии разработки. Поэтому, когда у меня нет оценочно-измерительных материалов для направлений, для всех предметов, для всей деятельности педагогической, пока говорить об этом трудно. Но попытки, конечно, делать надо. Пилотные регионы, которые хотят поработать по этой модели, есть. Они также будут предлагать учителям форму аттестации на выбор. Начало старта пилотных проектов будет в конце этого года опять же добровольно. Скорее всего это совпадет с теми регионами, которые по своему желанию в конце года включатся в пилотный проект по переводу управления школами с муниципального уровня на региональный.

— Сколько регионов будет участвовать?

— Порядка 10-15 регионов будут участвовать. Посмотрим первый, второй год, какой будет результат. Но еще раз повторяю, что бояться ничего не надо.

— Есть ли у министерства еще планы по снижению административной нагрузки с учителя, например, упростить заполнение индивидуальных планов на учеников?

— Я не понимаю, как учитель может быть без планов. Человек, который готовится к урокам, не может без лаборатории подготовительной. Я пришел в класс, я что буду говорить, выходя к вам? Да, бывают очень талантливые учителя, я видела таких учителей в своей жизни, которые могут с любого места говорить на тему своего предмета о любом, допустим, периоде, любом историческом герое, историческом факте. Но их единицы. Подготовка все равно должна быть, даже если ты читаешь курс и ведешь эти занятия не первый год. Разговор о том, что планов много, это не правильно.

— Теперь, с реализацией инклюзивного образования, дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) при желании могут учиться в обычном классе. Тогда учитель должен писать на весь класс и на каждого ученика с ОВЗ отдельный план.

— Не так много детей с ОВЗ находится в классе — это первое. Во-вторых, у ребенка с ОВЗ есть сопровождающий — чаще всего это мама — для того, чтобы этому ребенку помочь. Думаю, что со мной коллеги согласятся, по-другому нельзя, иначе ты не учитель.

— Хотелось бы поговорить об экспертизе учебников. 15 сентября закончилось их обсуждение профессиональным сообществом, а Минобрнауки уже представило правительству свои предложения по совершенствованию экспертизы учебников. В чем заключаются предложения министерства? Когда они будут реализованы?

— Сразу могу сказать, это тоже поручение президента. Вообще, Владимир Владимирович Путин очень хорошо понимает проблемы образования, я просто напомню вам историю. Уже в 2015 году одно из первых поручений — о едином образовательном пространстве. Тогда же шел разговор о содержании стандартов, потом пошло дальше — это содержание учебников и его обновляемость. Мы с вами понимаем прекрасно, что биология, допустим, не остановилась на исследованиях Павлова, а за сто лет она прошла далеко-далеко вперед. И так любой предмет, особенно естественно-научный. И дальше мы подошли естественным путем к поручению об экспертизе. Вы знаете, что на сегодняшний день в федеральном перечне 1377 учебников. Это колоссальное количество учебников, причем разного качества, мы тоже это знаем. Что мы предложили — мы открыли дискуссионный клуб и предложили участвовать в обсуждении нашим учителям. Через региональные органы управления образованием мы раздали коды, по которым каждая школа могла через этот код зайти и на нашем сайте оставить отзывы о тех учебниках, с которыми учителя работают непосредственно сегодня. Участие приняли больше 45 тысяч учителей, 45700, если мне память не изменяет. А замечаний было на две тысячи больше. Они отмечали хорошие учебники, отмечали очень хорошие учебники, отмечали плохие учебники, честно говоря, почему эти учебники плохие, почему не нравятся. Все замечания будут переданы издателям, чтобы они тоже были в курсе, как реагирует учительская общественность на учебники, с которыми они работают.

Теперь возвращаемся к тому, какие новые подходы мы видим для себя. Безусловно, останется три вида экспертизы — научная, общественная и профессиональная. Но самый важный момент — мы оставляем за собой право обратиться в любую экспертную организацию для того, чтобы перепроверить тот учебник, который, как нам кажется, стоит перепроверить. Что еще из новшеств будет — фамилия рецензента будет обязательно указана на учебнике. Здесь, если хотите, персональная ответственность, потому что вы же знаете, что издатели приходили уже с пакетами экспертиз сюда и заявлялись в федеральный перечень учебников. Получается — сам пеку, сам танцую, сам продаю, сам и заявляюсь. Это порочный круг.

— Что понесет за собой эта персональная ответственность?

— Если ты рецензент учебника и даешь положительное заключение, а это оказывается не так, мы, как Министерство образования и науки Российской Федерации, заказываем дополнительную экспертизу учебника. На сегодняшний день мы хорошо знаем, чего стоит каждый учебник — по авторам, по содержанию и по всему.

— **Это значит, что человек потеряет возможность заниматься такого рода деятельностью?**

— То, что он потеряет возможность заниматься такого рода деятельностью, это сто процентов. С этим учебником будет покончено. Но я еще раз повторяю, что мы с вами разворачиваем самый драматический сценарий. Я думаю, что народ будет относиться серьезно к этому, потому что здесь уже будет все сложно. Нам хорошо известны все эти учебники, когда они писались. Что получилось, допустим, с географией, когда президенту на прямой линии этот учебник показали? Он писался в 2004 году, там больше обновлений не было. Но издатели пошли на то, чтобы поставить последний год издания 2017-й, хотя это было очередное переиздание 2004 года. Получается, что изменений в содержании не было, и если бы он написал, что это переиздание 2004 года, не было бы вопросов. К тому же, если учесть, что учебник готовится минимум полтора года, то события в нем заканчивались 2002 годом. Но сейчас совершенно другая ситуация и политическая, и социально-экономическая. И сейчас я просила издателей, так как вы знаете, что у нас есть обязательная электронная версия учебника, чтобы практически по всем предметам постараться внести те самые изменения, и фактологические в том числе, которые произошли за этот короткий период.

— **Что не нравится учителями в учебниках?**

— Вот, например, комментарий к одному из учебников гуманитарной сферы: учебник напоминает разговор на лавочке. Учителя не жалуются. Они просто совершенно объективно говорят, что это учебник слабый. Знаете, о чем они все мечтают? Я в свое время то же самое говорила — сделать такой микс. Они так и делают на самом деле, работают с разными пособиями. Это тоже, что называется, лаборатория. Какая-то тема здесь лучше, какая-то — здесь лучше. Но вы знаете, что учебник заходит единой линейкой. С учетом того, что деньги федеральные, купить несколько пособий разных авторов из разных издательств нереально. Оптимальный учебник, я думаю, это мечта, но хороший учебник — это сделать можно.

— **Базовая линейка из двух-трех учебников когда может появиться?**

— Я думаю, она появится, как только мы закончим с федеральными государственными образовательными стандартами. У нас сейчас есть общая школа, сейчас старшая школа подойдет. Концепции у нас практически приняты все, учебники будут, соответственно, переформатироваться в соответствии с ФГОСами. Фактическая жизнь учебника — пять лет. Он претерпевает большие изменения и подлежит замене. Я думаю, что постепенно, в ближайшие два-три года, мы начнем уже в новом формате работать и издавать новые учебники.

Ведь если ты учитель, у тебя есть историко-культурный стандарт, который отработан, там тоже может быть много замечаний. Но опять же могу привести пример, что некоторые учебники по математике и геометрии, чтобы стать почти идеальными, совершенствовались в течение 17 лет, а некоторые и дольше, чтобы практически не было замечаний и нареканий. Здесь может случиться так, что новые ФГОСы будут, концепции будут, а новые учебники не подойдут к тому времени. Но у учителя есть право, и он будет им обязательно пользоваться, опираясь на стандарты и концепцию, брать материал дополнительный. Это то, о чем я говорю, — лаборатория учителя.

— Каким вы видите совершенствование системы школьных олимпиад и что бы вам хотелось изменить?

— На сегодняшний день ЕГЭ прозрачный и объективный. Что касается ГИА, это ответственность регионов, и там мы видим много недоработок. Что мы наблюдаем — допустим, ребенок поступает в колледж или техникум на основании оценок в аттестате, в нем одни пятерки. Смотрим годовые оценки — это совсем-совсем не пятерки, то есть объективность очень относительная. Получается, что один из вариантов, во-первых, усиление проверок, что реально происходит при заполнении этих аттестатов. Школа, безусловно, оценивает сдачу экзаменов, но должна суммировать и годовые оценки, но такое происходит не всегда. Поэтому есть предложение дополнить медаль за особые успехи в учении дополнительными критериями, начиная потихонечку повышать объективность выдачи аттестатов именно за 9-й класс.

Теперь что касается олимпиады. Здесь тоже все не совсем хорошо. Первый пример. Вы знаете, что в олимпийском движении у нас 24 предмета. Участвовали, начиная со школьного уровня, почти 16 миллионов, свыше двух тысяч призеров. Я две впечатляющие цифры сейчас назову. Первая цифра — в среднем 30 процентов победителей и призеров олимпиад не выбирают для сдачи ЕГЭ тот предмет, по которому они победили. А есть еще более удивительные цифры, над которыми стоит задуматься, — 40 процентов победителей и призеров олимпиад не набирают на ЕГЭ по профильному предмету более 60 баллов. Над этим надо думать, размышлять. Мы смогли много сделать объективного в ЕГЭ, и то, что раньше было необъективно в ЕГЭ, плавно перетекает в сторону олимпиад. 40 процентов школьников не получили более 60 баллов при сдаче экзамена, ну какие же это олимпийские призеры и лауреаты?

Нужно очень серьезно подходить, и мы будем этим заниматься. Мы с этим столкнулись в этом году, и я уже говорила в одном интервью. Родители обращаются ко мне, дети прекрасно сдали ЕГЭ, но они не были олимпийскими призерами, не участвовали в олимпиаде по разным причинам. Бюджетные места заняты олимпиадниками. То есть просто сдать аттестат, который явно выше, если 40 процентов не набрали 60 баллов, о чем мы говорили. А если говорить про медали, то есть такие "медалисты", которые минимальные баллы не набирали, не буду называть регионы. То есть это уже не просто звонок. С этим нужно разобраться, проанализировать и действовать достаточно четко и жестко, потому что это недопустимо.

— Будет ли это входить в компетенции Рособнадзора?

— Безусловно, будем работать вместе. И будем использовать опыт работы службы. Ведь эти истории очень тревожные. Работа олимпиад идет на четырех уровнях, и каждый из этих уровней должен будет проверяться особо. Понятно, что сложно создать такие же условия написания олимпийских заданий, как при сдаче ЕГЭ, но то, что сейчас модель мы разрабатываем, у нас будет сейчас серия очень больших совещаний, посвященных именно олимпиаде будущего года, это совершенно очевидно.

— Как относитесь к предложению привязать результаты ЕГЭ к выдаче золотых медалей выпускникам?

— Надо обсуждать. Для меня золотая медаль — она навсегда осталась золотой медалью, и привязка, как вы говорите, должна быть к оценке высоких знаний выпускника. Медаль — это медаль, это человек учился все годы и показывал действительно высокие результаты. А когда выдают медали, а ученик не демонстрирует высоких результатов в обучении, то это недопустимо.

— Сейчас широкую огласку получила история в Липецкой гимназии, где ребенка отказались принять в школу, потому что он проходил лечение от онкологического заболевания. Могли бы вы пояснить, что там произошло и вмешивалось ли федеральное министерство в эту ситуацию?

— Он был в состоянии ремиссии. Лечился здесь, в Центре Димы Рогачева. Там ситуация была значительно страшнее. Мальчик очень хорошо закончил 9-й класс. Он любит биологию, мечтал поступить в университет и находился в состоянии ремиссии, что очень важно. В Центре Димы Рогачева прекрасно развита госпитальная педагогика. И его мама просила сначала взять его в школу, на что директор Липецкой гимназии №1, который работает там более 30 лет, сказал: "Вылечите от рака — приходите". Тогда мама попыталась договориться, она имеет полное право дистанционно обучать сына. Тоже начались какие-то со стороны школы непонятные предложения. Вмешалось министерство, мы вмешались. Мой заместитель Татьяна Юрьевна Синюгина, которая курирует школы, позвонила, поговорила.

Ей обещали, что мальчик будет получать возможность дистанционно обучаться. Дальше — больше. В присутствии всего руководящего состава гимназии маму попросили, а, может быть, и заставили позвонить Татьяне Юрьевне и сказать, что она всем довольна, что ей предложили дистанционное обучение и, вообще, все замечательно. На самом деле все было не так. Но меня поразило больше всего такое безнравственное поведение не только директора, но и других педагогов. Реакция была очень интересная. "Вы лишили нас премии, — сказали они маме, — потом мы на вас вообще в суд подадим за клевету".

События разворачивались очень быстро. Я сразу связалась с губернатором. Директор гимназии дал одному из каналов неубедительное интервью. Я буду добиваться его отставки. Это у меня на личном контроле, потому что должен быть показательный пример для всех остальных. Я считаю, что люди, которые работают в школе и могут себе позволять подобные вещи, там работать не должны, равно как они не должны работать еще по ряду специальностей, которые связаны напрямую работой с людьми. Это мое убеждение, что касается школы, — это совершенно точно.

Я считаю, что отказ в обучении детям с ОВЗ, инвалидам должен вести к неминуемому наказанию. И когда в голове у товарищей уляжется, что за этим следует неминуемое наказание, тогда дело пойдет по-другому.

Вот это та самая работа администрации, которой позволительно все. Нет, не позволительно администрации все. Администрация должна обеспечивать работу в школе. То, что произошло в Липецке, это просто один из фактов, о котором мы с вами узнали. Благодаря Евгению Александровичу Ямбургу он стал известен. Евгений Александрович болеет душой за каждого ребенка. У него несколько центров, где детки лечатся и учатся. Конечно, для него было очень сильным ударом, когда это случилось.

— Еще очень важная проблема, где речь идет о безопасности детей, это "группы смерти", которые с недавнего времени оказались таким вирусом в социальных сетях, и государство пытается с ними различным образом бороться. Вы говорили, в частности, о том, что необходимо обучать детей кибербезопасности. Как сделать так, чтобы дети не попадались на эти удочки подлецов, которые приводят к трагическим исходам, что для этого делать?

— Я думаю, что для этого одних усилий министерства образования и науки мало. Это наша общая проблема, общая беда. Решать это все надо сообща. Сразу хочу сказать большое спасибо Людмиле Николаевне Боковой, нашему сенатору, которая очень много работает вместе с нами в направлении кибербезопасности. У нас, как я обещала, готов проект, он будет в конце осени представлен. Сейчас идет стадия окончательной доработки. Мы работаем с психологами, с айтишниками, с mail.ru. Будет такая акция, она пройдет 13 октября в День IT-специалистов, когда энтузиасты-ребята пойдут в свои родные школы из компаний и будут рассказывать на очень понятном языке детям и подросткам о том, что реально происходит. То есть мы задействуем все методы, которые есть.

Уроки кибербезопасности проходят практически в каждой школе. В рамках ФГОСов по ОБЖ мы на эту тему разговариваем. ФГОСы по ОБЖ определяют еще и результативность. ОБЖ — это как бы для маленьких наших детей. Если говорить о подростках, то это обществознание, информатика. Здесь есть специальные разделы, где идут обсуждения киберугроз. Практически каждая школа использует их при внеклассной работе, потому что без этого нельзя.

Но на сегодняшний день, я глубоко убеждена, кроме тех людей, которые помогают решать эти проблемы, нам в школе необходимы психологи и психологическая служба. У нас есть концепция психологической школьной службы. На сегодняшний день, к сожалению, у нас на одного психолога приходится 800 детей. Мы будем продолжать делать все возможное, чтобы в каждой школе был хотя бы один психолог, который бы работал с нашими подростками. Что касается детских садов, то там ситуация чуть получше, но опять-таки относительно получше: на 400 человек — один психолог. События последних недель, включая Ивантеевку, показали, что ситуация очень сложная и нам надо решать это как можно быстрее.

— **Есть ли на это средства?**

— Все есть, только надо захотеть. Это все штатное расписание. Вообще, вся хозяйственная деятельность — это региональные деньги. Муниципалы — это хозяйственные деньги, хозяйственный ремонт, это технический персонал школы. Здесь все зависит от директора, какие у кого должности и какое в школе штатное расписание. И я думаю, что в данном случае каждый директор заинтересован в том, чтобы психолог в школе был.

— **Минобрнауки дает регионам рекомендации. Прислушиваются ли они к ним? И может ли ведомство еще какими-то способами влиять на ситуацию?**

— К рекомендациям они прислушиваются. Но опять мы возвращаемся к тому, о чем я говорю последнее время очень много, — это управление содержанием образования. Это вовсе не значит, что его переносят на региональный уровень.

Вовсе не означает, о чем я уже в Думе говорила, что мы будем забирать у муниципалов имущество, нет. Речь идет прежде всего об управлении содержанием и обязательном назначении директорского корпуса именно с уровня регионального, а не муниципального, как сейчас есть. В этом случае, конечно, это единая политика, единое содержание, единая оценка того, что мы делаем, и принятие решений по анализу того, что мы получили.

У нас было совещание, и один из очень уважаемых министров образования сказал фразу, которую я стала цитировать, правда, без ссылки на автора: "В фигурном катании есть обязательная программа, есть произвольная, есть показательное выступление. Так получилось за последние 15 лет, что у нас очень много показательных выступлений и отсутствие обязательной программы и произвольной". Вот надо возвращаться к обязательной программе, и как можно меньше сопровождающих проводных материалов от констатации задачи до ее решения.

— Недавно стало известно, что Минздрав разработал законопроект, согласно которому информация о состоянии здоровья школьников будет поступать к школьному врачу, при этом не будет нарушаться принцип врачебной тайны. Удовлетворены ли вы таким способом решения проблемы?

— Мы много работаем с Минздравом и абсолютно понимаем наши задачи. Сейчас у нас будут "группы здоровья" для физкультуры, чтобы мы могли дозировать нагрузку. Как правило, много несчастных случаев связано с физкультурой, потому что педагог не знает физическое состояние ребенка. Это правильно. Педагог будет знать о "группе здоровья", какая она — первая, вторая у ребенка "группа здоровья" или ему требуется лечебная физкультура, мы про это говорим. А то, что доктор будет знать, это очень правильно. Именно врач и расскажет учителю физкультуры о том, какую нагрузку по какой "группе здоровья" ребенок может получить. Это очень важно для нас на самом деле. Это очень хорошо, что так будет.

— Будет ли эта система распространяться на вузы?

— Речь пока идет о школах. С вузами немного проще, там все-таки уже взрослые люди занимаются физкультурой.

— А в средне-профессиональном образовании?

— Да, там, где прежде всего несовершеннолетние учащиеся наши. Хотя я понимаю, что в 18 и 19 лет не всегда можно объективно оценить свои возможности, но все-таки...

— Вы несколько раз обращали внимание на качество преподавания иностранного языка в наших школах. Каким вы видите совершенствование и что бы вы хотели в первую очередь изменить?

— Этот вопрос очень сложный. То, что иностранный язык необходим, что мы должны его знать, это очевидно. Стыдно, очень стыдно не уметь разговаривать. Я думаю, что дело даже не в наших детках, совсем не в них. У нас есть ФУМО (Федеральное учебно-методическое объединение) по английскому языку, у нас

есть огромное количество советов, куда входят наши замечательные педагоги, эксперты, ученые. Я задаю всем один вопрос на протяжении многих месяцев — как нужно изменить методику преподавания языка, чтобы дети заговорили? Долгое время изучение языка у нас в обычной, неязыковой школе сводилось к чему? Мы много писали, читали, но язык не был активен, мы неплохо, наверное, переводили в институтах, аспирантурах со словарем. Мы учили пять лет в школе, потом со второго класса, в общей сложности 9-10 лет, а на выходе — ноль. Пассив, может быть, и есть, но активного языка нет.

Что нужно изменить? Я думаю, что изменить нужно подход. Меня поправят мои коллеги, может даже скажут, что полезла не в свой огород и окажутся совершенно правы, но мое глубочайшее убеждение, что менять методику надо, чтобы язык стал инструментом прежде всего коммуникативным. Да, человек должен читать, человек должен говорить, писать, может быть, в меньшей степени. Наши естественники, естественно-научные отрасли в этом вопросе практически трудностей не испытывают. Как вы знаете, очень много совместных исследований, поэтому на языке они и говорят, и пишут. И я знаю десятки академических институтов, в которых раз в неделю аспиранты делают доклад на языке обязательно с первого курса. Это необходимо, потому что у них совместная работа с иностранными коллегами. Что касается моих коллег-гуманитариев, там сложнее, потому что нужно подготовить статью и желательно на языке. У нас, к сожалению, интерес к той же истории, который вспыхнул во всем мире после событий 1991 года, потихонечку угасает. Нашим ребятам сложно печататься, а печататься необходимо, потому что нужны индексы, нужны публикации. Это просто необходимость — быть с инструментом. Я думаю, что все-таки, сколько я смотрела, читала, видела, как изучается в других странах, надо изменить подход, именно методику преподавания языка. Это раз. И потом, как правильно мне говорят очень знающие педагоги наши, язык можно выучить только тогда, когда есть какая-то цель. Если цели нет, то учить очень сложно.

— Означает ли это, что будет больше стажировок, связанных с выездом за рубеж, или приглашений носителей языка?

— Вы знаете, я думаю, что с носителем языка уже хорошо. Потом ведь дети очень многие вещи в игре осваивают, игра и язык — это вещи, которые совместимы. До девяти лет, как правило, это очень легко ложится, не по одному языку. Что происходит дальше, мне сложно говорить, потому что здесь очень много всего: и физиология детская, и психология, и методика. Но я думаю, что делать все равно что-то надо. И количество часов, оно тоже колеблется, если это школа с углубленным изучением языка. И опять же — без усидчивости самого ученика тоже не пройдет.

— Какие новые предметы и факультативы в российских школах могут появиться?

— Сразу что хочу сказать: база — это база, а есть еще внеурочное время. Школа знает, сколько у них внеурочных часов в неделю в каждом классе. Что касается факультативов, я считаю, что пять факультативов должны быть обязательно бесплатными — музыкальный, литературно-художественный, спортивный, естественно-технический и шахматы. Их не ввели с 1-го по 4-й класс, о чем я мечтаю, как один час в неделю. Но отмечу, что шахматы взаимосвязаны с математикой, а с математикой у нас сейчас проблема. Вы знаете, что мы 11 лет

проваливаемся на международной математической олимпиаде. И развивая эту тему, шахматы — это прежде всего интеллектуальное развитие ребенка. Шахматы — это наименее затратная история, которая только может быть.

Сейчас, конечно, лукавства в школах много. И я об этом тоже уже говорила, что можно увидеть, допустим, договор с родителями о внебюджетной деятельности. Среди предложенных инженерных кружков я вдруг неожиданно читаю: углубленный русский язык, углубленный английский язык. Это, конечно, подвох, это уловка. То есть не успеваем на уроке, будем учить после урока, но уже внебюджетной историей. Здесь с каждой внебюджетной историей надо разбираться, потому что мы все-таки должны помнить, что образование у нас бесплатное, доступное и качественное. У нас все время чего-то не хватает, одного, второго, третьего. Поэтому все эти уловки, конечно, надо заканчивать. И с каждой из них разбираться надо отдельно, потому что финансирование подушевое и в каждом регионе свое, но оно есть. Его нужно просто очень тщательно использовать. Я считаю, что даже при тех средствах, которые выделяются (немало на самом деле, достаточно выделяются), должно быть очень рачительное, вдумчивое использование, с хорошим хозяйским подходом. Именно здесь администратор должен быть, который решает, как и куда идут деньги.

— Сколько школьных мест нужно, чтобы закрыть проблему со второй и третьей сменой? Насколько остро стоит проблема износа зданий школ и детских садов?

— Третью смену мы закроем к следующему году, я надеюсь, хотя очень тяжело поспеть за демографией. У нас учащихся в третью смену было 23 тысячи, сейчас — 8700. Третью точно закроем. Что касается второй, будем стараться, будем делать. Но у нас другая проблема — 40 процентов, а в некоторых случаях 60 процентов школ в регионах — с очень большим процентом износа. Они были построены после войны, во второй половине XX века, равно как и вузы. У нас сейчас вузовские фонды старые, многие школы старые. Допустим, в Осетии есть школы 1897 года. Вот здесь будет очень большая необходимость в затратах — надо строить. Надо либо капитально ремонтировать, либо строить новые.

Детсады — с ними мы закрыли проблему, у нас почти стопроцентная удовлетворенность детскими садами. Это 99,8 процентов на сегодняшний день. Результат замечательной программы 2015 года. По яслям работа ведется. Пять регионов у нас, где проблема решена. Я думаю, что будем думать и расширять все альтернативные способы: и группы ухода, и группы присмотра для этого возраста, и, может быть, группы выходного дня как вариант, допустим, субботний. Я думаю, что вариантов будет много. В общем, это возвращение к хорошо забытому старому. Сначала мы закрыли все, теперь начинаем все открывать. Это здорово на самом деле.

— Недавно стало известно, что экспертный совет ВАК рекомендовал лишить главу Минкультуры Владимира Мединского ученой степени доктора. Когда президиум ВАК рассмотрит этот вопрос?

— Через две-три недели это будет рассматриваться. Но я сразу хочу подчеркнуть, что там было положительное решение двух советов. А еще очень важный момент — это отсутствие плагиата в работе. Ну а то, что автор представил свое

видение истории, то это уже как раз та самая полемическая история, которая должна быть.

Я не говорю про эту работу, что она некачественная. Я говорю вообще про работы, которых много некачественных, что нужно в первую очередь наказывать диссертационный совет, который все пропустил, потому что процесс выхода на защиту достаточно длительный. И там очень много экспертных оценок, чтобы просто взять вот так плохую работу и выйти.

— Много ли примеров такого недобросовестного отношения?

— Есть примеры. С каждым примером разбираются. По сегодняшней практике огромное количество людей сидит и по любому заявлению проверяет ту или иную указанную информацию. А если мы сейчас все-таки внесем положение об ответственности совета за пропущенные работы, я не говорю про плагиат, это вообще не обсуждается, а просто некачественные работы, тогда нам будет легче — и нам, и ВАКу, и департаменту, который у нас занимается оценкой.

Пока это на стадии обсуждения. Делать что-то надо, потому что советы должны работать хорошо, качественно. Получается, что все ложится на ВАК, все ложится на департамент Минобразования, а те, кто пропустили эту работу, они остаются в стороне. Это неправильно. Это какая-то неправильная оборона, все советы ни при чем, а вы, ребята, разбирайтесь.

— Ответственность какого рода предполагается?

— Закрывать. Время пройдет, будете открываться заново в новом составе. Посмотрим, что будет дальше. То есть совет пропускает столько-то лет назад, существует, а потом гражданин или группа граждан заявляет на некачественную работу. Совет остается на месте, а наш департамент и ВАК работают огромное количество времени для того, чтобы либо признать, либо опровергнуть эту жалобу или письмо.

— Сохранится ли у выпускников-аспирантов в этом году возможность не защищать диссертацию, а закончить аспирантуру как третью ступень образования?

— Такой возможности нет. Это полная ерунда. Это тоже история про то, чего быть не должно. Мы сейчас говорим о том, что мы идем к исследовательской аспирантуре. По какой-то специальности можно защититься за три года. Естественно-научная, например, требует очень мощной экспериментальной базы, там может потребоваться четыре, пять и шесть лет. Сейчас мы говорим про это, движемся в сторону исследовательской аспирантуры. То, что аспирантура должна заканчиваться диссертацией, это не обсуждается. Для чего его три года держим? Для того, чтобы от армии освободить? Для чего он сидит? Он должен защитить диссертацию, иначе грош цена руководителю, совету и вообще всей системе. Нужно защищаться, если нет, то сокращать аспирантуру, сокращать целевой набор и заканчивать с этим делом. Ты аспирант, ты пришел для того, чтобы заниматься научной деятельностью. Если у тебя прикладная работа, ради бога, мы сейчас допускаем патенты, научные изобретения и статьи. Если у тебя прикладное направление, делай, но результат должен быть. Тебя три года государство обеспечивало возможностью бесплатно учиться в аспирантуре, это

надо ценить. Мое глубочайшее убеждение, что качество аспирантуры нужно повышать. А повышать каким образом? Никогда в жизни ни на каких кафедрах массового количества аспирантов не бывает. Всегда ученых остаются единицы.

— Продолжая разговор о науке, хотелось бы узнать, наметили ли вы сотрудничество с новым президентом РАН и когда состоится ваша встреча?

— Мы с Александром Михайловичем Сергеевым будем встречаться в ближайшее время. Незадолго до начала избрания президента мы подписали соглашение между министерством и Академией наук. У нас много точек пересечения. И главное для нас, конечно, это экспертная работа, потому что и при написании наших ФГОСов, и при экспертизе учебников мы всегда обращались и будем обращаться в Академию наук. Это совершенно очевидно.